

## ВЗГЛЯД А.А. БОГДАНОВА НА ПРИЧИНЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РСДРП

Рассматривается точка зрения Богданова на причины непрекращающихся конфликтов внутри РСДРП не как мнение критика-интеллектуала, а как позиция ученого-аналитика. По его представлениям, рабочий класс является прообразом некоего глобального трудового коллектива, способного создать совершенно особую пролетарскую культуру с новыми формами и методами жизни и деятельности, не похожими на то, что предлагали массам партийные руководители пролетарского движения – в подавляющем большинстве сторонники взглядов буржуазно-бюрократической интеллигенции.

**Ключевые слова:** рабочее движение, социал-демократия, большевизм, революция.

Царский режим в начале 1900-х гг. подверг преследованию за участие в революционной деятельности свыше двадцати тысяч человек. Всю эту армию опасных для самодержавия людей власти ссылали в места, где не было скопления промышленных производств, в надежде, что раз рабочих там нет, а обыватели мало подвержены подрывному пропагандистскому воздействию, то сам образ жизни российского захолустья «усмирят» всех жаждущих преобразований в стране. Но в своих расчетах царские блюстители порядка не учли одного обстоятельства: ссыльные, направленные в тихие, как болото, провинциальные города, попадали в неплохую компанию. В Вологде, куда прибыл будущий вице-лидер большевиков А.А. Богданов, на принудительном поселении в тот период времени находились участники I съезда РСДРП С.А. Радченко, П.Л. Тучапский, А.А. Ванновский, известные деятели социал-демократического движения В.А. Карпинский, Н.И. Малинин (Н. Шахов), П.А. Румянцев, И.А. Саммер, С.А. Суворов и др. Среди «легальных марксистов» особо выделялась фигура блестящего оратора-полемиста Н.А. Бердяева, здесь же отбывали ссылку будущий видный деятель партии эсеров Б.В. Савинков, а также историк П.Е. Щеголев, писатель А.М. Ремизов, словом, около ста ссыльных. Все личности яркие и талантливые, живущие, несмотря на положение репрессированных, интенсивной общественной и интеллектуальной жизнью. В одной колонии оказались люди разных политических пристрастий – от идеологов радикальных революционных перемен в обществе до сторонников постепенных либеральных реформ в России [1. С. 30–31]. Таким образом, для человека аналитического образа мысли, каким был А.А. Богданов, самым царизмом была организована в Вологде великолепная школа по изучению всего спектра особенностей политических идей, бытовавших в стране.

Уроки вологодской ссылки привели Богданова к однозначному выводу: цели буржуазных партий, боровшихся против царизма, ничего общего не имели с задачами пролетарского движения; чтобы пролетариат мог выполнить свою миссию «могильщика эксплуататорского строя», необходимо положить начало самостоятельному, независимому и массовому рабочему движению, сформированному на основе разрозненных, разбросанных по всей стране кружков для самообразования пролетарских масс, которые «вели на местах свою кустарную работу» [2. С. 52]. В дальнейшем Богданов на протяжении всей своей жизни был верен этой точке зрения, объясняя свою позицию тем, что «в политике, где борются коллективные силы, создавая сложнейшие отношения, он (рабочий) не может разо-

браться индивидуально; и если он не сделает этого в единении с другими работниками, то он – игрушка случайной агитации, лживых обещаний, мелких и нередко враждебных его интересам влияний. Он – материал для воздействий, орудие для чужих целей, а не сознательное существо» [3. С. 249–250]. Богданов пытался убедить соратников в том, что у пролетариата есть свои жизненно важные интересы, и в первую очередь – не быть винтиком сложной машины, именуемой обществом, потому что «с винтиками машины не считаются, их только считают. Таково отношение господствующих классов к рабочим, оно законно и справедливо, пока рабочий живет сам за себя и для себя, ибо тогда он бессилен» [3. С. 250]; ни в своей жизни, ни вокруг себя он ничего изменить не может. По мнению Богданова, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что знакомство с популярным пересказом идей Маркса, с историей западного рабочего движения, с комментариями по поводу программ и лозунгов буржуазных партий, т.е. со всем тем, что предлагали лидеры РСДРП в качестве содержания пропагандистской работы в пролетарских организациях, хватало лишь для осознания рабочими концептуального смысла некоторых тактических вопросов, но не для стратегически объемного понимания связи совершавшихся в стране и мире событий.

Лидеры РСДРП единодушно отнесли эти идеи Богданова к разряду несвоевременных и даже ревизионистских, потому что в России в начале XX в. приоритетной считалась точка зрения о необходимости свершения сначала буржуазной революции, наподобие Великой французской. Г.В. Плеханов высказывался за паритетное сотрудничество РСДРП с буржуазными партиями для подготовки столь грандиозного для царской России события и горячо отстаивал этот взгляд, заявляя, что буржуазная революция «послужит лишь *прологом пролетарской*... Это... наш материалистический метод в его применении к политике» [4. С. 421]. Для убедительности он апеллировал к вождю мирового пролетариата Марксу, который в свое время писал: «Рабочие знают, что революционное движение буржуазии... может лишь ускорить их собственное революционное движение. Они знают, что их собственная борьба против буржуазии может начаться лишь в тот день, когда победит буржуазия» [5. С. 312–313].

Ленин тоже стоял за сотрудничество с либералами, но не ради паритетного взаимодействия с идейными оппонентами РСДРП, а для того, чтобы «врозь идти – вместе бить» [6. С. 372]. Он объяснял свою позицию тем, что только так удастся ускоренным темпом пройти тот путь, на который Западу понадобились многие десятилетия. По мнению Ленина, осуществить эту задум-

ку было можно лишь при посредничестве интеллигентской «бациллы», содержащейся в либеральных программах и лозунгах, – только так, доказывая лидер большевиков, получится заразить пролетарские массы идеями свободы и вовлечь их на этой волне в борьбу за ниспровержение эксплуататоров. Ленин твердо верил в это и бескомпромиссно стоял на своем: «Мы, с.-д. революционеры, должны не только вести работу в пользу буржуазной революции, но и возглавлять ее, направлять ее... пролетариат может довести буржуазную революцию до победного конца» [7. С. 110].

Вице-лидер большевиков А.А. Богданов не соглашался с позициями вождей-теоретиков и пытался убедить последних в том, что союз с либеральной оппозицией и в случае паритетного сотрудничества, и в случае надежды на контроль со стороны революционной социал-демократии окажется заведомо проигрышным по той простой причине, что российский пролетариат, да и западный тоже, – такой, каким он был в начале XX в., не способен полноценно включиться в борьбу: признание его исторической роли «могильщика капитализма» вовсе не адекватно его умению осуществить эту миссию. По версии Богданова, «розовые мечтания» идеологов РСДРП не имели ничего общего с действительностью: рабочее движение того времени переживало ситуацию «методологического вакуума» из-за того, что партийные лидеры, превратив марксизм в доминирующую, но при этом предельно догматическую теорию, поставили пролетариат в заведомо проигрышную позицию, определив ему роль пассивного исполнителя лидерских планов. Теоретики пролетарского движения ничем не отличались от буржуазных вождей, которые для придания солидности своим партиям исходили из принципа: «Одних “героев” мало... без масс не обойтись» [8. С. 316]. Богданов имел предостаточно примеров эксплуатации политической незрелости протестно настроенных рабочих разными партийными руководителями, уверенными в том, что массовому пролетариату не обязательно вникать, для чего он участвует в митингах или забастовках, – важно, чтобы он вел себя «истеричным агитатором», но чувствовал себя при этом борцом за общее благо в толпе таких же протестующих, пусть и не понимающих до конца, зачем они, «повторяя обычные агитационные формулы», помогают себе и своим товарищам по социальному положению [3. С. 330].

Но больше всего А.А. Богданова возмущали заявления лидеров и российской, и европейской социал-демократии о том, что «наша партия еще не пролетарская, что ей только предстоит стать таковой», что «выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться, находится лишь в процессе возникновения» [9. С. 54], что «живая сила» революции – «рабочий класс неспособен сам по себе подняться выше идей тред-юнионизма: социалистический идеал он может получить только от радикально мыслящей интеллигенции» [10. С. 156]. А если все именно так, как утверждают идеологи социал-демократии, то, по мнению Богданова, «честь партии требует, чтобы из названия партии было вычеркнуто, как вредная и явная ложь, слово “рабочая” и чтобы русскому пролетариату было

особым манифестом сообщено, как до сих пор злоупотребляли его именем. Звание “политических авантюристов и самозванцев” должно быть тогда сделано официальным титулом всех нынешних... деятелей, и социал-демократическая работа должна начаться... сначала» [9. С. 55].

Жестко охарактеризованная Богдановым деформация стратегии пролетарского движения возникла, по его мнению, по двум причинам: во-первых, это касалось «наших теоретиков... как бы ни было искренно их сочувствие интересам пролетариата, но по способу мышления они всецело воспитанники буржуазии» [3. С. 328]; во-вторых, вожди РСДРП, как и равные им по положению лидеры западных рабочих партий, оказавшись в ловушке собственного мировоззрения, обеспечивали организацию пролетарского движения – антиавторитарного по своей сути – методами сугубо авторитарными. Немудрено, что в итоге получалось неустрашимое противоречие между заявленными целями и средствами их достижения, а это, в свою очередь, оборачивалось фундаментальной несовместимостью социокультурных норм масс и вождей, чреватой конфликтами, расколами на фракции, газетными распрями и т.п.

Стиль взаимодействия «верхов» с партийной массой диктовался духом эпохи: это был типичный бюрократический стиль, где тенденция к «неинструментальности» управления преобладала, поскольку главным считалось правильно поставить задачу перед исполнителями, которые обязаны решить ее во что бы то ни стало и максимально оперативно. А то, что претворение в жизнь лидерских замыслов зависело не только от таких качеств членов партии, как исполнительность и активность, но еще и от уровня компетентности в постижении смысла поручения и выборе адекватных средств его реализации – это в круг забот руководителя буржуазно-бюрократического типа не входило, хотя возникавшие спорные ситуации должны были разрешаться по логике партийной «табели о рангах» только в «верхах» и отнюдь «не абстрактными рассуждениями теоретиков, а выяснением конкретных потребностей пролетарской борьбы» [9. С. 71]. Лидеры отмахивались от решения повседневных тактических вопросов. Они не утруждали себя даже разработкой стратегически важной эффективно работающей технологии осуществления партийной программы.

О недопустимости управления в рабочей партии буржуазными методами Богданов написал в статье, посланной в «Искру» еще в 1902 г. из вологодской ссылки, но получил от Ленина такой ответ: «По общему мнению редакции статья эта (сама по себе интересная и ценная) в таком виде пойти не может, ибо есть совершенно неуместные и нетактичные вещи (вроде “единоличности” и “диктатуры одного члена комитета” и т.п.)» [11]. Доводы Богданова не принимались и позже, хотя он продолжал настойчиво убеждать «верхи» в том, что рано или поздно пролетарские массы, получившие толчок к самоорганизации и солидарности, отнесутся враждебно к навязыванию способов и приемов того класса, сокрушить который они выбрали главной целью для себя, что возникновение противостояния внутри партии между управляемыми и управляющими станет столь же закономерным, сколь неиз-

бежной оказалась борьба рабочих против капиталистических производственных отношений, основанных на принуждении и эксплуатации. Однако Богданов так и не был услышан, хотя необъявленная война внутри РСДРП разгорелась не на шутку и после II партсъезда приобрела на глазах у всей европейской социал-демократии откровенно скандальный характер. Неприязнь к «низам» у руководства РСДРП доходила до неприличия. Вожди не скрывали своего отношения к пролетарским массам ни в партийных изданиях, ни в переписке, утверждаясь в мысли, что им приходится иметь дело с каким-то «бессловесным стадом» [9. С. 89], со скопищем «самых отсталых, наиболее бессознательных и прямо одичалых элементов народных масс» [12. С. 267], с «шантрапой» [13. С. 124], со «шпаной» [9. С. 10].

В ответ действующие в России подпольщики заявляли, что и они хотели бы иметь во главе партии не лиц, претендующих на пожизненное лидерство в РСДРП, а «свободно выбранных вождей» [9. С. 38], не тех, кто меряет «достоинство революционера тем, кто раньше под стол пешком ходить начал» [9. С. 10], а тех, кто понимает, что «нет на свете дела более сложного, более зависящего от случайностей, более изменчивого, чем работа русского революционера» [9. С. 11]. Вожди, жившие в прекрасном далеке от жандармского надзора, ко всем трудностям подпольщиков подходили с мерками тридцати-сорокалетней давности, не понимая, что в России жизнь неузнаваемо изменилась. Поэтому нелегальные марксисты иронически окрестили представления теоретиков-эмигрантов «карикатурой на то, чего не знаешь» [9. С. 17]. Пролетариат, уже сорганизовавшийся в многотысячную партийную силу, все явственнее ощущал недопустимость того, чтобы «мало надежные, далеко не вполне социалистические элементы играли столь видную роль в рабочих организациях» [2. С. 90].

Толерантность как основа гармоничного взаимодействия разных частей единого целого в принципе не имела шансов на появление. Богданов-аналитик так рассуждал по этому поводу: дело здесь отнюдь не в отношениях толпы и ее героев, потому что «генетически – “герой” есть “отражение” толпы, ее порождение; он впитывает в себя ее массовые смутные настроения и стремления, которые только оформляются в нем; но раз герой создан, уже он руководит толпой, она идет, куда он укажет» [3. С. 327]; в случае с РСДРП налицо совсем другая генетическая связь – «верхи» и «низы» принадлежат здесь к разным социальным слоям общества, каждый из которых опирается на свою культуру. Лидеры РСДРП даже не ставили перед собой задачу радикально переработать усвоенную смолоду буржуазную культуру, чтобы хоть сколько-нибудь приблизить ее к реализации целей пролетарского движения. Напротив, во взаимодействии с массами для вождей «буржуазная культура была могучим воспитательным орудием приспособления пролетариата к буржуазному строю, закрепления его связи с этим строем» [14. С. 98–99]. Сохранение «культурной несамостоятельности пролетариата» вело стороны ко взаимному отчуждению. Отчужденными от идеологии партийных масс оказывались в РСДРП и те выходцы из рабочей среды,

которые в принципе имели возможность выдвинуться в число собственно пролетарских лидеров. Правда, их было катастрофически мало по многим причинам. Прежде всего, сказывались неблагоприятные условия нелегального существования подпольщиков в самой России. Накопившееся множество организационных приемов и методов идеологического влияния на массы бесплодно терялось, когда одни талантливые практики-пропагандисты попадали на каторгу и погибали, другие покидали ряды РСДРП, третьи не умели обобщать свой опыт и передавать его другим [3. С. 332–333]. Кроме того, реальность была такова, что те выходцы из пролетариата, которым удавалось овладеть научным знанием, оказывались потерянными для своего класса. Объяснение этому есть: «наука “обуржуазивает” их, пропитывая буржуазными способами мышления» [3. С. 329]. Этот эффект усиливался еще и тем, что лидеры РСДРП торопились приблизить к себе этих людей, направив их в среду «заграничников», где по законам «группового солипсизма» признавались только единомышленники, поскольку среди вождей-эмигрантов царил деление на «истинных» марксистов и антимарксистов, на сторонников и оппозицию, на большевиков и меньшевиков и т.д. Даже самый стойкий из числа пролетарских лидеров, попадая в такую идеологическую круговерть, был, как правило, озабочен только «правильностью» своего выбора, а не задачами партийных масс. Да и сама буржуазно-бюрократическая интеллигенция могла оставаться во главе РСДРП только до тех пор, пока ей удавалось втискивать новое содержание в старые привычные схемы. Если бы лидерская когорта РСДРП подчинила свои интересы требованиям пролетариата, то она сама «работала бы над разрушением основ своей временной привилегии, ибо очевидно, что... подготовив... пролетариат к самостоятельному ведению всего дела, она лишилась бы выгод своего положения, потеряла бы свою “прибавочную стоимость” и растворилась бы в трудовых массах. Примеров такой самоотверженности в истории пока не встречалось» [3. С. 319–320]. Вожди РСДРП направляли «свои усилия на то, чтобы индивидуально выбиваться вверх, силою знаний, воли и таланта, а не на то, чтобы организовать в коллектив для борьбы за общие интересы» [14. С. 102]; последнее являлось целью именно партийных «низов» пролетарского движения. Практические методы и формы мышления (а именно они указывают на принадлежность личности к определенной культуре и «представляют самую консервативную сторону человеческой социальной природы» [14. С. 104]) у вождей и партийной массы имеют несовпадений больше, чем совпадений. Именно эта разница и «делает людей во многих случаях “взаимно идиотами”, как выражался Лассаль» [3. С. 327].

И действительно, если внимательно присмотреться к творческим биографиям лидеров РСДРП, то оказывается, что они в подавляющем большинстве «воспитанники буржуазии», тяготеющие к ней и по образу мыслей, и по профессиональной подготовке, и по ценностно-целевым ориентациям. Кроме того, в своих оппозиционных настроениях против самодержавия они опирались на либеральный принцип «Laissez faire, laissez passer» («Предоставьте всем полную свободу дейст-

вий» – фр.); их руководящим лозунгом была свобода как регулятор и производственных, и общественных отношений, в то время как объединяющей идеей для пролетариата являлось равенство [15]. Рабочих и на самом деле объединял и сплачивал на борьбу именно эгалитарный принцип. Богданов считал: не учитывать этот фактор – значит не видеть главных целей пролетарского движения. А если все же учитывать, то вождем следует изменить ту форму внутрипартийного взаимодействия, при которой над членами РСДРП даже «не “остатки” старой культуры тяготеют <...>, а ее господство» [10. С. 123]. Богданов апеллировал к здравому смыслу своих оппонентов в лидерской группировке партии: «Посмотрите... на нашу политическую культуру, т.е. прежде всего на политические методы, – ибо именно методы и составляют сущность культуры... на каждом шагу – политиканство, дипломатия, психология торгового компромисса. Откуда все это? Это политические методы буржуазии: основы их выработаны ею в жизни рынка с его торгашеством и стремлением “провести” конкурента... они... могут только мешать сплочению коллектива, сеять вражду. А применять эти методы... в сношениях с буржуазными организациями – просто наивность: во всех торгашеских комбинациях пролетариат окажется слабой стороной, будет обойден и проведен, ибо у него несравненно меньше торгашеского опыта и дипломатической опытности, чем у другой стороны. Политиканствовать с Милюковыми в надежде их “использовать” – детское самообольщение, результат заранее известен: “используют” они» [10. С. 123–124].

Казалось, эти пессимистические прогнозы и вообще все рассуждения Богданова о перспективах пролетарского движения следовало бы раз и навсегда похоронить после Февральской, а затем и Октябрьской революций – Ленин в 1917 г. оказался «на коне», а Милюков публично признал свое поражение: «Когда появились у наших общих врагов слова-шиболеты, зачаро-

вавшие массы, и слова все простые: мир, земля, право труда, классовая борьба, то нам было нечего противопоставить. У нас отобрали наши слова: конституция, право, закон, для всех равный... и переход от одной формы насилия к другой оказался естественным» [8. С. 332]. Вроде бы и в самом деле состоялось осуществление первого шага к победному установлению пролетарской диктатуры, произошедшее в полном соответствии с марксистской теорией, как ее понимал Ленин, который после Октября 1917 г. укрепился в своем намерении строить в России государство-коммуну.

Однако «обедню» в очередной раз «испортил» все тот же Богданов, заявивший, что подлинная победа рабочего движения «не есть дело выигранной битвы или настроения, порыва, массового устремления воли... Стремления, не организованные в устойчивую классовую волю – в твердо сознанный идеал и ясно установленный путь к нему, никогда не могут решить задачи» [3. С. 333–334]. Разоблачая организационную незрелость всех участников рабочего движения, бывший вице-лидер большевиков достаточно сурово оценивал перспективы состоявшегося революционного взрыва социальной системы. Богданов задавался вопросами, ответы на которые только удручали ученого-аналитика: «Какой злой иронией – или каким детским неразумием представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе? Чем бы это могло оказаться на деле? В лучшем случае – мечтой, которая не встретит отклика в массах. В худшем... программую авантюру, самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям. Ее исход был бы с самого начала предрешен неравенством как материальных, так и культурных сил двух сторон, глубокой неподготовленностью одной из них к поставленной задаче. Естественным концом авантюры явилось бы длительное царство Железной Пяты» [3. С. 331, 314–315].

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Очерки истории Вологодской организации КПСС: 1895–1968*. Вологда: Сев.-зап. кн. изд-во, 1969. 688 с.
2. *Неизвестный Богданов*: В 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. Кн. 2. 283 с.
3. *Богданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
4. *Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. 30 апреля – 19 мая (13 мая – 1 июня) 1907 г.* М.: Госполитиздат, 1963. Т. 23. 951 с.
5. *Маркс К.* Морализирующая критика и критикующая мораль. К истории немецкой культуры. Против Карла Гейнцена // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 291–321.
6. *Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Третий съезд РСДРП (май – июнь 1905 г.).* М.: Госполитиздат, 1959. Т. XVI. 782 с.
7. *Ленин В.И.* Письмо Э. Авенару 1 (14) марта 1907 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 47. С. 110–111.
8. *Милюков П.Н.* Воспоминания: В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 446 с.
9. *Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.).* Наши недоразумения. Женева: [Б.м.], 1905. 72 с.
10. *Неизвестный Богданов*: В 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. Кн. 3. 243 с.
11. *Ленин В.И.* Письмо А.А. Богданову. Между 28 марта и 19 апреля 1902 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 46. С. 175.
12. *Ленин В.И.* Должны ли мы организовать революцию? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 9. С. 264–273.
13. *Ленин В.И.* Заявление о разрыве центральных учреждений с партией // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 9. С. 254–263.
14. *Неизвестный Богданов*: В 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. Кн. 1. 252 с.
15. *Бруцкус Б.Д.* Социалистическое хозяйство // Новый мир. Л., 1990. № 8. С. 174–212.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2011 г.